

ВИКТОР ТИТАРЕНКО

Гравитация ЛУМУМ

**История с рассекреченных архивов о
похищении пришельцами**

2023

Начал писать 25-VII-1978 года.

Все события, о которых я повествую, случились со мной. Всё я видел своими глазами. Я готов присягнуть на чём угодно, на любой библии, всем святым, что только есть на этом свете, даже своей жизнью, что то, о чем я здесь напишу, всё правда и нет вымысла.

Это случилось в начале мая месяца 1977 года. Число я точно не помню, сразу не записал от испуга, а потом не могу восстановить точно дату. Это было после первого мая, была иллюминация на Крещатике, горела очень ярко. Но ещё не отмечали День победы 9 мая. Вот, между первым и девятым мая. И если я не ошибаюсь, то с 3 на 4 мая. Мне всё не верится, что это произошло со мной в действительности, а не приснилось или померещилось мне. Но, увы, это было наяву. Я после всего этого проверял, нашел свидетелей этого случая, и они подтвердили. Когда я вспоминаю об этом, то мне становится не по себе от этого всего, что со мной случилось. Всё дословно я не могу вспомнить, но постараюсь, всё, что помню об этом, написать по порядку и правдиво.

Я работаю шофером на междугороднем автобусе, и по характеру работы бываю выходной в любые дни недели и по несколько дней подряд. Я имею лодку моторную «Прогресс» и в летнее время всё время пропадаю на Днепре, езжу на Десну и вниз по Днепру, бывает далеко километров 20-30 от Киева.

Вот в один из таких выходных я выехал за Киев и остановился на ночевку в Ольгинском заливе, с краю, один я был в лодке. В основном я езжу на лодке сам, потому что на будние дни у меня выходные попадают, но все работают, поэтому я отдыхаю один.

В этом заливе напротив чуть наискосок сейчас расположены домики базы отдыха АТП № 09122. Поставив лодку, я укрепил её растяжками, поставил тент и накрыл сверху брезентом, чтоб было теплей. Было ещё по ночам холодно, было весеннее наводнение, паводок, было очень много воды. Я лёг в лодке и слушал радиоприемник «Океан». Я лежал раздетый, только в плавках. Я уже дремал с закрытыми глазами, вдруг радиоприемник начал трещать, перестал играть. Я взял приемник в руки, крутил, вертел его, переключал диапазоны, стучал по нему. Я пришел к выводу, что приемник испортился. В это время засверкало, как молнии. Я посмотрел через окно, на небе ярко горели звезды. Я подумал с удивлением, что молнии сверкают, а грома нет, и на небе звезды. Я подумал, что где-то далеко гроза. Но очень удивился, что нет грома. Приемник трещал так, как трещит радиоприемник, когда проезжаешь под проводами высоковольтной линии. Я его выключил, поставил и лег с намерением уснуть.

Я уже был в забытьи, дремал, наверно. Вот сквозь дрему я услышал, как кто-то начал стучать по лобовому стеклу, говоря: «Есть кто в лодке?» Я отозвался, спросил: «Кто там? Чего надо?» Человек снаружи сказал: «Выйди ко мне». Я не могу объяснить свое состояние. Я уже не спал и в то же время как-то чувствовал себя как разбитый, сам не свой. Не было сил подняться, как будто лень какая-то. Да и страх напал почему-то на меня, в общем я себя чувствовал как-то странно. Забегая вперед, скажу, он меня, все время пребывания с ними, держал под гипнозом, чтоб я не делал глупостей, и в то же время вел себя естественно. Он говорил, что он мне внушал все время это. Он обладал этим даром природы. Так, вот, я, наверно, был уже загипнотизирован. Я почему-то отказался выйти с лодки и сказал ему: «Если хочешь, заходи ко мне в лодку». Он вылез на нос лодки, лодка стояла носом в берег, и начал дергать за люк багажного отсека, говоря: «Открой! Открой!» Я ему говорю, что вход с кормы, т.е. сзади. Он пошел по борту к корме, лодку накренило, меня накатило на борт, я слышал, как он шуршал брезентом, сзади отыскивая входное отверстие в лодку. Затем он влез в лодку, начал щупать меня по ногам, по телу, дошел рукой своей до моей головы, пощупал мое лицо, нос, уши. Я все это слышал и все же лежал как парализованный. На меня напало какое-то оцепенение, и я даже ничего не мог сказать, не только помешать ему что-либо делать. Тогда он взял меня за плечо и начал тормозить, говоря: «Проснись! Проснись! Проснись!»

Вот тогда я сжался в комок, подобрал под себя ноги и в страхе, доходившем до ужаса от того, что кто-то ночью влез ко мне в лодку, а я один, я оттолкнул того, кто тормозил меня, с силой, на которую я был только способен от испуга. Толкнул я его руками, а затем добавил ногами, я лежал. Он загремел от меня на корму. Видно он очень ударился, потому что сразу вскрикнул, застонал, а затем забормотал, что-то непонятное. А я начал кричать во всю глотку, очень громко, так громко, как кричат люди от испуга. Матом ругался и кричал, чего ты такой сякой, залез в мою лодку, я тебя убью гада, туды-перетуды твою мать и т.д.

Я кричал и ругался, чтоб привлечь внимание людей, если кто есть поблизости, да и себя подбодрить. Я повернулся и начал шарить руками, хотел взять топорик для самозащиты. Топорик лежал на полочке возле рычагов газа и переключения скоростей, т.е. реверса. Забегая вперёд, скажу, он очень сильно ударился, все время пребывания с ними, он всё время потирал бедро и зад спины и кривился от боли и говорил: «Сильно я ударился». Даже говорил мне: «А если б ты убил меня, чтоб было?» И интересовался, что у нас бывает за убийство. Я объяснил, что если преднамеренное, то расстрел. А при самообороне, то рассматривают при каких обстоятельствах. Могут наказать, а могут и простить. Так, вот, я не мог никак попасть руками на полочку, где лежал топорик. Тыкался куда попало, только не на полочку.

Он меня спрашивал потом: «Что ты хотел там взять? - я говорю, - топорик». Он сказал: «Это я так сделал, чтоб ты руками делал неверные движения и не мог попасть руками куда надо». Так, вот, он перестал стонать и начал говорить мне: «Успокойся, не кричи, тебе никто ничего плохого не будет делать, не кричи, а то тебя услышат люди и подумают, что здесь происходит что-то плохое». Он говорил так убедительно, что я успокоился. На меня напало бессилие, я облокотился спиной на руль, и так сидел, слушал его, не в силах даже пошевелиться. Он мне говорит:

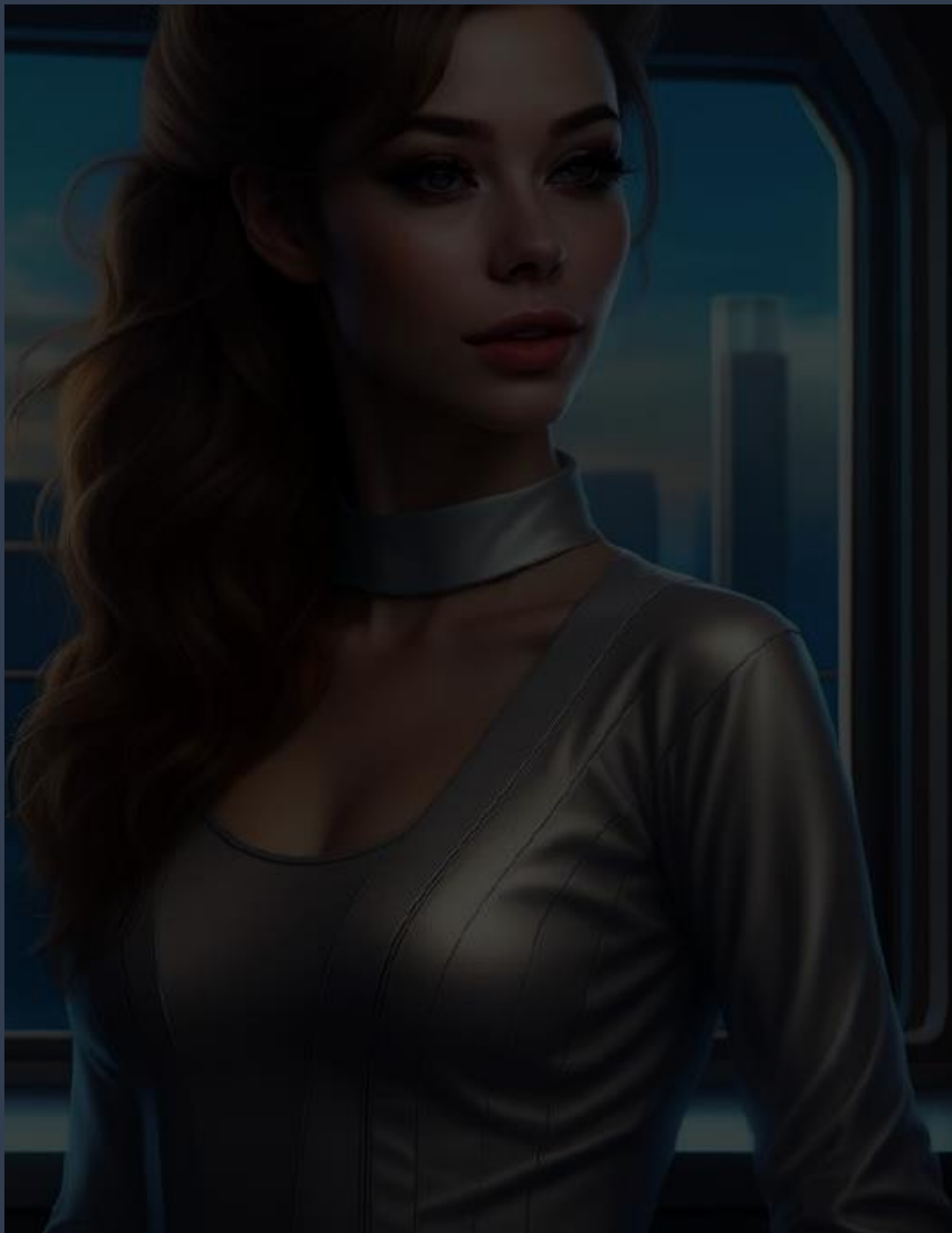
«Если б ты даже взял топорик, то не способен меня ударить. Я могу гипнотизировать. Я отныне буду тебя держать все время под гипнозом, т.е. внушать тебе, чтоб ты вел себя нормально, но естественно». Он мне говорит: «Что же ты сказал, заходи в лодку, а сам дерешься?». Я говорю:

«Я и сам не знаю, как это все получилось». Можно только представить себе, как он ударился: сзади у «Прогресса» металлическая стенка и торчат болты крепления тента. Так, вот, он ударился о них. По разговору было слышно, что он нерусский человек. Он разговаривал с акцентом, как-то резко выговаривал слова наши. Снаружи послышался женский голос, спрашивая: «Чего ты там долго не выходишь? Почему кричали? И что там, один или ещё кто есть?» Он ответил: «Один». Она спрашивает: «Что он пьяный?» Он ответил:

«Нет, он не пьяный, толкнул меня, я ударился, и тяжело поддается успокоению». Она говорит: «Так выходите». «Сейчас выйдем, иди на место, не уходи оттуда», - ответил он. Он попросил, чтоб я зажег свет. Но батарейки были в приемнике, он сказал: «Не надо переставлять в фонарь, а спички, - сказал, - не зажигай, а то мы уйдем, а здесь искра упадет и будет пожар». Он попроси меня выйти с лодки на берег, говоря:

«Не бойся, тебе ничего плохого не собираются делать, твоей жизни и твоему здоровью не угрожает, все будет хорошо». Я хотел выйти в плавках, но он попросил, чтоб я оделся, а то на улице холодно. Я всё порывался выйти в плавках, то он сказал, там есть женщина и неприлично выходить раздетому. Так как хорошие вещи, которые я одеваю, находились в багажном отсеке, замкнутые, то я одел старые брюки и свитер, которые находились возле меня. Когда выходили с лодки, то я пригласил его выходить первым, но он отказался, говоря:

«Ты меня уже раз толкнул. И сейчас я буду вылазить, а ты меня толкнешь в воду, а я плавать не умею и утону - там же глубоко» Я ответил: «Да». Когда вышли на берег, он говорит: «Пошли на верх от воды, ты там увидишь сам, что там такое». Когда поднялись наверх от воды на высокий берег, он говорил все как-то убедительно, и я его слушал беспрекословно. Тем более, он предупреждал меня, что он меня держит в таком состоянии, чтоб я все его слова исполнял, но и вел себя естественно, не делал никаких глупостей. На берегу чуть поодаль в 10-15 метрах от нас находился темный предмет большой, от лодки его не было видно. И там светились дверь и окно продолговатое по горизонтали. И в свете, идущем изнутри, было видно, стояла женщина. Он все время меня подбадривал, говорил, идем ближе, не бойся. Когда подошли, то оказалось, женщина была молодой и очень красивой, волосы распущены, как у дикой бары. Одежда была плотно облегающая, она очень мило и кокетливо улыбалась мне. Я не мог оторвать от нее взгляда, и когда подошел к ней, я сказал: «Вот это да! Какая красивая», - начал восхищаться ею. Я подошел к ней со словами, - я имею привычку говорить женщинам шутливо, - «Целую ручку вам». Я взял её за руку и поднес к лицу своему. Я, правда, не целовал ей руку, а просто так чмокнул воздух, делая вид, что целую руку ей. Она не отняла руку, вела себя очень любезно, улыбалась, аж цвела. Я обратил внимание, что рука была какая-то холодная и пальцы как у куклы, безжизненная рука. Не такая как у нас.

Мужчина сразу вмешался и сказал, что у нас не принято целовать руку. Я сказал, что и у нас тоже не принято, это я просто шутя – она мне очень нравится, поэтому. Он ещё спросил: «Что красивая?» Я говорю: «Очень красивая». Женщина просто цвела. Он спросил: «А у вас что, нет таких красивых?» Я ответил, что есть и у нас красивые, но эта лучше, мол, чужая всегда лучше. Он мне начал говорить, что это ихний корабль, и что они прилетели очень с далека, с другой планеты, даже с другой галактики. Я же так был занят осмотром женщины, что до меня не доходили его слова. Он сказал, что мы будем делать с тобой опыты, и сказал смотри сюда, а то ты все время смотришь на женщину и не слышишь меня. Я еще не придавал значения всему сказанному им. Я думал, что вертолет сел и меня разыгрывают.

Но тут я повернулся к нему, глянул на него и у меня все внутри ёкнуло, у меня сердце опустилось куда-то вниз, и даже холодным потом обдало меня. Только тут я понял, как это все серьезно. Я не мог оторвать глаз от его ушей, у меня отняло речь. Уши у него были как у животных, островерхие и торчали так, как как у кошечки. Я даже забыл о женщине от перепуга. Он улыбнулся и сказал: «Что ты на меня так смотришь?» Я только смог сказать: «Уши». Он сказал: «Да, у нас уши, как у животных». Я говорю: «И у неё тоже такие?» Он говорит: «Да». У нее под волосами не видно было ушей. Я говорю: «Что вы срезаете уши, или так и рождаются?» Он сказал, что так и рождаются. Он поинтересовался моими ушами, говорит: «У ваших людей во всех такие уши, как у тебя?» Я говорю: «Да». Он поинтересовался моей лысиной, мол, это что, во всех так? Я ответил, что нет, это приходит с возрастом, у кого выпадает волос, у кого седеет, а у кого все в порядке, так и остается. Он еще спросил: «Что такое «седеет»?» Я объяснил. Во время разговора я отошел от испуга и подумал, что теперь конец. И я подумал, погибать так с музыкой. На меня напала какая-то вызывающая смелость, и я стал себя пошло вести и грубо. Так как женщина стояла рядом и очень кокетливо улыбалась, а он сказал: «Будем с тобой опыты делать, и все, о чем с тобой мы будем говорить, все будет записываться и сниматься на прибор». И спросил у меня:

«У вас есть такой прибор и как он называется?». Я ответил, что есть видеоманитофон. Он говорит: «Мы и запишем все на видеоманитофон». Я возьми, да и скажи, то ли от испуга, то ли я сам не знаю от чего... Да, перед этим я его спросил о женщине: «Что, это твоя жена?» Он ответил: «Нет, это напарница». Если б была жена, я б не посмел этого сказать, что я сказал. А сказал, я, мол, для опыта надо ей палку поставить, как бы у нас получилось. Сразу она спросила: «А что это такое?» Он ответил: «Не знаю». И спросил меня, а что это такое. Я понял, что я ляпнул не то, что надо. Но деваться было некуда. Я объяснил, что это когда женщина отдается, ну, как делают детей, мол, любовь. Он очень разозлился и сказал: «Что ты так себя ведешь нехорошо?». Я говорю: «Да все равно погибать, то хоть с музыкой». Он говорит: «Все будет хорошо, тебе плохого никто не будет делать ничего, хотя и стоило б за эти слова тебя проучить». А она сразу смутилась, опустила глаза вниз, вроде как ей стало стыдно. А когда он начал меня ругать, то она так мило и кокетливо начала смеяться, просто заливалась от радостного смеха. Он отнесся к этому даже с ревностью. И сказал ей: «Уходи отсюда. Ты нам мешаешь беседовать. Ты смеешься, а он на тебя смотрит и со мной не говорит. Ты же видишь, что он женолюб. Уходи». Она говорит ему: «Мне очень интересно попридусутствовать, я хочу посмотреть», - и не собиралась уходить. Тогда он заговорил очень быстро и певуче не по-нашему, как вроде заулюлюкал так сердито. Она перестала смеяться, что-то ответила по-своему ему. Я сказал, что я не понимаю, о чем вы говорите. Он сказал мне: «Я здесь старший. Я ей объяснил и приказал, чтоб она ушла и не мешала нам беседовать и проводить опыты». Он сказал ей:

«Я еще с тобой поговорю об этом, что ты ему улыбаешься так». Она обиженно сказала: «Ты же сам мне сказал, чтоб я улыбалась и вела себя приветливо, если я подойду с кем к тебе». Он сказал ей: «Но не так же вести себя, как ты ведешь себя с ним, - он показал на меня, - потом включишь себе и будешь смотреть, а сейчас уходи». Она хотела подниматься по ступенькам, но он ей сказал: «Иди через другую дверь». Она говорит: «Я открою отсюда». Он говорит: «Я предусмотрел это и оставил вторую дверь открытой». Она ещё сказала: «Там же может кто-то зайти». Он говорит, что никого поблизости нет. Она говорит: «А животное какое-нибудь может залезть». Он сказал ей: «Ты идешь туда и посмотришь». И она ушла в темноту за корабль. Я её больше не видел. Она была похожа на грузинку или болгарку, такая же черненькая, в общем, на горянку она похожа. Очень красивая и такая, как наши женщины: кокетливая и хотела мне понравиться, чего достигла наилучшим образом. Ушла она очень красиво. Пока она шла, мы оба любовались, как она уходила. Он поинтересовался состоянием моего здоровья, не болел ли я и не болею ли я какой заразной болезнью. Я говорю, что нет. Он спросил, как-то очень интересно, а гриппом ты не больная, а то у вас часто говорят об этом. Я ему удивился, но подсказал, как говорится слово «грипп». И спросил его: «Где вы научились по-русски говорить?». Перед этим он меня просил, чтоб я говорил медленно и отдельно, что он многое не понимает. Он ответил, что у них есть наши люди, и что они взяли наших людей в то время, когда они были безграмотные. То от них они научились говорить по развитию того времени, а сейчас много новых слов, но они записывают и машины у них как-то расшифровывают запись и переводят им, и они учатся по этим переводам по-русски. Я очень многие слова объяснял ему по-русски, даже показывал руками. В общем как мог объяснял ему, но мы понимали друг друга быстро и хорошо. Сначала я говорил ему Вы (он удивлялся, что я ему говорю Вы). Он говорил, я ведь один и называй меня Ты, я его стал называть Ты. Теперь, когда он говорил, показывая на корабль, что они прилетели на нем, и что это, как у вас называют, «летающие тарелки».

Так вот, это и есть летающая тарелка. Я еще спросил: «Что, у вас такие все корабли?» Он ответил: «По форме и по принципу работы все такие, а по величине есть разные. Этот, что ты видишь, самый маленький, а есть и очень большие, но они сюда не прилетают». У меня разговор громкий и он несколько раз говорил мне, разговаривай тише, а то на нас могут обратить внимание. Я говорю ему: «Ты же сказал, что здесь по близости никого нет». Но когда мы разговаривали, он сказал мне тихо, там, говорит, лодка стоит и человек вышел с лодки и хочет к нам идти. И стал смотреть в ту сторону, где лодка, очень напряженно, глаза у него как-то аж очень блестели.

Потом он сказал: «Внушил тому человеку чтоб он не выходил к лодке и чтоб ему было страшно». Он точно такой как наши люди, только выделялись уши острроверхие, как у животных. Одежда не выделялась ничем, то же свитер или джемпер серого серебристого цвета плотно облегал его тело и брюки, похожие на наши джинсы, тоже плотно облегал. Вот только обувь и у неё, и у него была как сандалии со шнурками. Мне кажется она очень легкая и подметки нет, а вроде как кожа, обернутая вокруг ступни и ноги и стянутая шнурками. Короче, у нас я такую никогда не видел обувь. Он обладал очень острым зрением, я потом расскажу, почему я это определил. Ну, хотя бы он видел человека, вышедшего с лодки ночью, на расстоянии метров 150, а я не видел, хотя он мне показывал и спрашивал: «Видишь?» Теперь в корабле был очень слабый свет и когда я его попросил сделать ярче, он сказал, что у них это самый яркий. Очень многое он видел хорошо, я же видел плохо или вообще не видел ночью. Теперь во время беседы он все время несколько раз очень удивлялся почему столько много воды кругом. Я ему объяснил, что это весенний разлив-паводок и что это река, большая река Днепр. Он спросил, а что там очень большой водоем, показал в сторону Киевского моря, мол, у них нет на ихней карте. Мол, когда ихние люди прилетали сюда раньше, то не было того большого водоема. Я ему объяснил, что это искусственный водоем, сделан людьми и называется Киевское море, и что есть целый каскад водоемов искусственных по Днепру. Он спросил: «Вот здесь, где мы находимся, большие корабли ходят или нет?». Я ему сказал, что фарватер дальше и показал ему, где ходят корабли, а сюда в залив они не заходят, здесь мелко и вообще им нечего делать здесь. Он говорит, вот хорошо, а то я сделал, чтоб здесь не работали моторы и радиоприемники, телефоны, рации. Он еще спрашивал о самолетах, не летают ли они здесь низко, взлет, посадка с аэродрома, нет ли здесь трассы авио, а то самолет упадет. Я ответил, что самолеты здесь летают высоко и редко. Он тогда успокоился. Я еще говорю: «Что, и на большом корабле тоже не будет работать двигатель здесь?». Он сказал: «Да». Но это нельзя делать потому что-то корабли государственные и будет шум, скандал, нежелательный для меня. Мол я делаю все так, чтоб меньше меня видели и слышали обо мне. Я тогда сказал: «Что, поэтому и у меня перестал работать радиоприемник?». Он все спрашивал меня, но и на мои вопросы тоже отвечал. Да, он несколько раз спрашивал меня: «Ты не начальник?» Я ему рассказал, кем и где я работаю, но он отнесся с недоверием и сказал мне «Посмотри мне в глаза». Я посмотрел ему в глаза, и он сказал, да ты говоришь правду. И потом в разговоре, если он сомневался, что я говорю ему правду, говорил, посмотри мне в глаза. Он все время говорил, что говори мне правду, не обманывай. Я ему говорил правду, не врал. Что не знал, говорил, что не знаю. Он поинтересовался, что за город, что светился огнями, много огней. Я ему сказал, что это Киев, столица Украины, и что я с этого города. Короче говоря, я рассказал ему свою автобиографию и все что знал, о чем он меня спрашивал.

В разговоре он сказал, что они не имеют дел с пьяными и что они уже имели встречи с людьми и даже где-то в Западной Украине возили людей - мужчину и женщину в районе Тернополя в Космос, показывали им что они могут делать. И что они не хотели улетать с ними к ним на планету и что мужчина и женщина ничего не знали, наверное, от испуга, не могли ничего вразумительного рассказать и тоже плакали. Он очень ругал горные племена, но не объяснил мне почему, сказал, что горные люди очень плохие, злые. А люди в этих районах, т.е. Украина, хорошие, покладистые люди. Он спросил меня: «На кого из ваших людей я похож?». Я говорю, что у нас много национальностей, и люди похожи на тебя, черненькие такие. А вообще, я говорю, что вы отличаетесь ушами от нас, а то все такое как у нас. Он ответил, что они отличаются еще и разумом, мол, они намного умней наших людей. Вот и сейчас, он все время меня держит в повиновении и управляет моими действиями. И еще говорит, что одежда у них тоже не такая, как у нас, я щупал, тряпочная, такая как у нас. Но он сказал, что ихняя одежда имеет особенности. Она в холод греет, а в жару холодит. Он сказал, что они были, вернее, ихние люди, были у нас на Земле в 1908 г. и тогда взяли с Земли людей, - они косили сено где-то здесь и их забрали, люди Корчеватские, люди боговерующие, богу молятся. Люди до сих пор живы у них и не хотят возвращаться назад на Землю, и считают, что попали в рай. Он спрашивал меня, верую ли я в Бога, я сказал, что нет. Я показывал, как креститься, он говорил, что правильно ты и те люди крестятся. Он сказал, что они давно следят за нашей планетой, как она развивается. Он ещё спрашивал:

«Не думаешь ты, что я Бог и прилетел к вам?» Я говорю: «Нет, ты пришелец с другой планеты, космонавт». Он говорит: «Ты правильно мыслишь». Он сказал: «Ваша планета отстает от нашей на 100 лет. То, что у вас есть, то у нас было 100 лет тому назад. И если ваши ученые будут идти по правильному пути, то достигнете того, что у нас через 100 лет. А если будут идти по неправильному пути, то и через 100 лет не достигнете». Да вот ещё что он сказал, что ихние люди, когда улетали в 1908 году, оставили на Земле отметину на память. Они в Сибири в тайге в малонаселенном и безлюдном районе сделали взрыв, который поломал очень много леса. «Называют у вас то место Тунгусское чудо, и ученые ваши считают, что там упал метеорит. Но это не верно». Это ихние люди взорвали ядерное устройство. Я его спросил, а почему же нет там радиации. Он ответил, что когда ваши ученые проверяли, то прошло много времени, ядерное устройство было взорвано в воздухе, и никакой радиации не могло быть. Он сказал, что ты теперь понял, что у нас ещё в 1908 году было ядерное оружие. А сейчас у нас есть такое оружие, что ваше ничего не стоит по сравнению с нашим. Я ему сказал, что тебе стоит открыть секрет своего корабля и своего оружия, чтоб Советский Союз был самый сильный, а то кругом капиталистические страны. Он еще сказал, что на Земле все ученые и руководители глупые, вы все, в общем, завоеватели.

«Открою секрет, что вы и так самые сильные. У вас здесь такое большое скопление войск, - и показал в направлении Киевского моря. Там столько много, как они у вас называются, танков и самолетов, да, и вообще, очень много войск. Он сказал, глупые вы все, в общем, завоеватели, открой вам секрет нашего оружия и корабля, то вы ползете завоевывать и нашу планету, у вас все делается для уничтожения человека. Вот когда вы поумнеете и будете делать все для блага человека, вот тогда может мы и вступим с людьми с вашей Земли в контакт». Он сказал: «Вот когда у вас будут такие корабли космические как у нас, и вы сможете прилетать к нам, вот тогда мы наладим связи и будем общаться. Ведь у нас такие корабли и такое оружие, что мы с вами могли вашу Землю завоевать за несколько дней, но мы не делаем этого. Теперь ты понял, почему мы не вступаем в контакт с вашими учеными и руководителями». Я сказал ему, что ему надо было встретиться с учеными и руководителями, тогда узнал бы у них. Он сказал: «Я и так все знаю и вообще все ваши люди глупые. Когда вы будете мыслить так как мы, тогда мы вступим с вами в контакт. Но мне надо как раз такого как ты, рабочего». И что я его полностью устраиваю, и это то что ему надо: провести над тобой опыты и узнать степень развития простых людей.

«Ученые это единицы, а простые люди – это весь народ. А нам надо как раз народ. Весь разговор и вообще все твое психическое и физическое состояние будет записано, а потом у себя мы проанализируем. Это не только тебя, но ещё мы делали опыты и эксперименты над вашими людьми». Он сказал, что мы тебя заберем с собой к ним на планету. И спросил:

«Ты согласен?» Я ответил, что нет, я не хочу никуда улетать. Я ему приводил множество доводов, что я материально обеспечен, и что я не тренирован, а там перегрузки, да и зачем я вам нужен простой работяга, я ведь ничего ценного не представляю для вас. Мол мне и здесь на Земле не плохо. Мол, у меня все есть: машина, лодка, квартира, жена хорошая. Он все мои доводы опровергал, и говорил, что мы тебе все то, что у тебя здесь есть все дадим еще лучше, и тебе у нас понравится и ты даже потом не захочешь назад на вашу Землю. Он говорил, что и такую красивую и молодую женщину ты себе там подберешь, мол, у нас очень хорошие женщины. Он всячески меня соблазнял. Но я все не соглашался. Потом я сказал, что жену люблю и что будет очень плохо без нее. Он сказал, ну ладно, раз любишь жену, то мы тебя без твоего согласия не возьмем. Если б ты был с ней здесь, то я б тебя и не спрашивал, хочешь ты или нет, забрал бы с собой, вот и все. Он говорит мне, вот пойдём к нам в корабль, посмотришь, какие возможности у наших кораблей, да и так посмотришь, как у нас в корабле. Все время мы стояли рядом с кораблем и разговаривали. Я несколько раз порывался пойти переодеться, а то я был одет в рванье, что валяется в лодке, но он сказал, что не надо переодеваться. «Ты вот посмотришь все, а потом может согласишься лететь с нами и эту одежду выбросим.

Если ты полетишь с нами, то отсюда брать ничего не будем, чтоб тебе ничего не напоминало о Земле, а затем мы тебе внушим, что то, что ты жил на Земле, все было во сне». Корабль стоял в неудобном положении, рядом было дерево, с другой стороны лежала железяка от бульдозера. Он еще спрашивал меня: «Ты сильный?» Я ответил, да. Он показал, там лежит железяка, я не видел в темноте, когда подошли к ней, то он просил, чтоб я ее перевернул хоть раз или оттащил немного в сторону, а то плохо садить здесь корабль, железяка мешает работе двигателя и очень сложно садить корабль на этом пятачке: с одной стороны, дерево, с другой железяка, а с третьей вода. Я ходил по воде, прощупывал дно. Он боялся, чтоб там было не болото, чтоб можно было стать лапой корабля. Когда я несмело поднимался по ступенькам трапа в корабль, то в дверях я остановился, глядя на свои босые ноги в песке. Я ещё оббивал ноги об ступеньки и говорю ему, ноги у меня в песке и не обо что вытереть. Он меня подбадривал, улыбаясь, он мне говорил: «Ничего потом уберется, не обращай внимания, заходи смелее, не бойся». Я еще хотел взять в лодке часы золотые, но он сказал, что не надо: «Если ты не согласишься с нами, то мы прилетим назад и никто здесь ничего не тронет, подъехать сюда никто не подъедет, а те, кто здесь недалеко есть, побоятся подойти сюда. Если кто что возьмет, то мы найдем». Я старался запомнить все виденное мной, но он, видя это, сказал: «Не старайся запомнить все, что видишь, и что я тебе рассказываю, потому что все равно ничего не запомнишь. Я тебя держу в таком состоянии, что ты если и будешь что помнить, то для науки это не будет иметь никакой ценности, потому что ты не сможешь ничего конкретного рассказать. Завтра, да и в ближайшее время ты плохо будешь помнить обо всем этом, а вспомнишь постепенно и то если у тебя хорошая память. Вспоминать будешь долго, через год и более, время пройдет. И будешь вспоминать такое, что люди тебе не поверят, что это было в действительности с тобой». Я говорил, что мне лететь нельзя, я сердечник, у меня сердце больное. Он сказал, что мы тебя обследовали, что тебе у нас можно лететь, что у них можно лететь любому человеку. У них нет ни перегрузок, ничего подобного. Он сказал, что у них есть пункт диагностики, и что я неплохо себя чувствую. Я еще говорил, что у нас включают датчики к человеку, подводят провода. Он сказал, что у них без проводов. Он еще поинтересовался, что у меня на руке черное. Я показал наколку на спине, на руке. Спросил, как это делается. Когда я сказал, то он ответил, что татуировки делают только дикари. Я сказал, что у нас еще часто и густо находятся очень много дикарей, которые делают наколки. Когда мы вошли в корабль, я хотел помочь убрать трап или дверь закрыть.

Но он сказал, ничего не надо, у нас все делается автоматически, мы только кнопки нажимаем. Я говорю ему: «А как же мы полетим, а перегрузки, невесомость, и я не тренирован?» Он говорит: «Не бойся, у нас ничего этого нет, у нас гравитация ЛУМУМ», - лумум по буквам как-то.

И что у них, чем больше скорость и нагрузки, тем быстрее что-то раскручивается в обратную сторону и устраняет перегрузки и невесомость. Я с этих объяснений ровным счетом ничего не понял. Как трап убирался, я не видел, а дверь закрылась у меня на глазах очень медленно и бесшумно вышла со стенки и закрыла входное отверстие. Вот дверь выходит, как у нас в метро, только бесшумно. Когда я поднялся в корабль, то там было небольшое помещение, как кабина, и там был пульт управления, много кнопок и большое продолговатое окно с большим обзором. Он меня спросил: «В вашем городе нет высоких строений, я тебя провезу над центром города?» Я стоял и наблюдал за всем происходящим, потому что не было на что сесть. Была только одна как табуретка, как у нас ставят у пианино - круглая седушка. Я чувствовал, как открылась сзади меня дверь и хотел оглянуться, но он сказал мне, не поворачивайся назад, нельзя. Я повернулся – это женщина подставила табуретку. Он меня пригласил сесть, и я с удивлением увидел, что уже сзади у меня стоит тоже табуретка. Я сел и хотел ухватиться за что-нибудь, чтоб при взлете держаться. Он сказал: «Сиди спокойно, как сидишь дома на стуле. Ты даже не почувствуешь, что мы полетим». Потом он что-то повернул под пультом и посмотрел влево вверх, там находился прибор, как у нас вольтметр или амперметр и по шкале двигалась стрелка. Затем он понажимал кнопки – несколько штук, тут же возле кнопок замигали лампочки - глазки над кнопками, загорались и затухали. Появились на улице вспышки, как засверкали молнии или как работает электросварка, только вспышки были мощные, тёмно-зелёные. Вот когда трамвай едет и у него на дуге возле провода сверкает на ходу, очень похожие вспышки были внизу у корабля. Корабль медленно приподнялся на несколько метров и потом плавно пошел боком вверх и в сторону Киева. Я сидел, меня даже не покачнуло, я ему сказал, что, я ничего не почувствовал. Никакого шума, никакой вибрации не было слышно. Было такое ощущение, что сидишь дома у окна, а под тебя движется луг с набором высоты. Перед взлетом он меня предупредил, чтоб я ничего не трогал, не нажимал кнопки, а то мы разобьёмся и погибнем, мол у нас делается все быстро. Когда мы взлетели, я ему сказал, если нас засекут радаром, то могут послать самолет-перехватчик, и даже могут по нас стрельнуть и сбить нас. Он ответил, не беспокойся, я включил аппаратуру. Нас ни радары, и вообще, ваша техника, нам нипочем, ничем нас не возьмут. Мы вашей технике неподвластны, а, наоборот. Мы летели на малой высоте и не быстро, я все видел в окно как на ладони, под нами проплыл остров Водников, было видно суда-заправщики, горели сигнальные огни на них и было очень хорошо видно Днепр. Еще горела ярко лампочка возле магазина. Я еще говорил, вот остров Водников, короче, я ему комментировал, где мы пролетали. Затем промелькнули трубы в стороне высокие. Затем я увидел неопишное зрелище. Залитый огнями Крещатик, было много света и очень красиво. Летели на малой высоте. Я узнал вход в метро Крещатик и было видно людей, ходили, но людей уже было мало.

Комментировал я ему, показывал: вот, видишь Корчеватое, дальше летели, я ему говорю, осторожно, повода высоковольтные, трубы высокие. Летели мы на Лысой горой рядом, я ему говорю, вот атомная станция, он еще интересовался, а как она устроена. Я и сам ничего не знаю, что я ему мог рассказать. Когда летели над Крещатиком, он спрашивал, как называются улицы, начиная с Бульвара Шевченко, Ленина по-старому Фундуклеевская, Свердлова-Прорезная, им.Калинина, Думская пл. «А где тут было здание с острым шпилем?» Я говорю: «Думу во время войны сожгли, взорвали, а пл.Сталина я не знал как называлась раньше. Он все называл, что я не знал по-старому, говорил, что все рассказали люди, которых они забрали в 1908 г. Он еще говорил, что Крещатик шире. Я говорю, во время войны он был весь сожжен пожаром, а сейчас все новые дома. Он говорит: «Верно, а я не мог никак узнать». Теперь за Выдубеченский монастырь, он говорил, что, когда прилетали ихние люди, он работал. Я ему говорю, что сейчас у нас нравится только во Владимирском соборе и показал ему, что он находится на Бульваре Шевченко, а остальные как памятники старины. Очень многие церкви поломали вообще, а теперь кинулись, что надо старые церкви и монастыри сохранять как памятники старины. Пролетали мы над Выдубеченским озером, я ему говорил: «Это стоянка лодок РЯОП-№1, где стоит моя лодка». Ночь была лунная и было все сверху видно очень хорошо, а в городе все было освещено. Он еще говорил, что по этой улице трамвай ходил (по Красноармейской). Я сказал, что его путь перенесли и он ходит по параллельной улице по Горького, ул.Федорова. Он назвал Полицейского, все улицы он называл по-старому, а я по-новому. Он еще спросил: «А где здесь была красивая церковь на Красноармейской, угол Саксаганского, напротив Музкомедии?». Я сказал, что её поломали. Мы пролетели над городом от моста Патона до Красноармейской, затем над Красноармейской по Крещатику за Днепр и ушли в этом районе вверх. Летели очень низко над самыми домами и медленно, км 40 в час, было очень хорошо все видно. Было очень красиво в ночное время, все было в праздничной иллюминации, очень впечатлительное зрелище и ощущение. Ничего подобного я больше не видел, и не переживал, и не ощущал в жизни. Затем возросла скорость и высота, как-то огни смазались. Я еще увидел за Днепром очень много водоемов и заливов, заполненных водой, вода очень блестела. Воды много было наверно из-за того, что был весенний паводок. А затем он сказал: «Ну, все, теперь смотреть не на что, да и ничего не увидишь». У меня на глазах стало зашториваться окно заслонками, и он меня пригласил пройти в другое помещение. Я очень восхитился увиденным, и он спросил меня: «Ты что, никогда не летал на самолете?» Я ответил, что на самолете я летал, на самолете не так, здесь ночью и очень тихо, и очень низко над Крещатиком. На самолете ничего подобного не увидишь и не ощутишь. Я сказал, что на самолете я летал днем и высоко. Он спросил, как высоко? Я ответил, что 9000 метров. Он даже засмеялся и сказал, посмотришь, как высоко мы будем летать.

Когда заходили в корабль, то за пультом была стена. А тут я повернулся и увидел открытые двери в другое помещение. Мы вошли в другое помещение. Оно было обширным, по сравнению с кабиной, где был пульт управления. Он спросил меня: «Ты карты умеешь читать?» Я сразу не понял, что он от меня хочет, потом он мне объяснил. Я сказал, что учил в школе географию и могу показать, где находится Киев. Я его еще спросил, а как же корабль без его присутствия в кабине и без управления. Он мне объяснил, что он летит автоматически, как у нас автопилот. Я ему тоже по ходу задавал много вопросов, но многое он мне не рассказывал и не объяснял, мотивируя, что я тебе и так много показываю и рассказываю, что мне не положено делать. Я у него спросил; «Что, у вас топливо атомное?» Он ответил утвердительно. Я его спрашивал: «И надолго хватает топлива?» Он ответил, что до бесконечности, сколько будешь летать, на столько и хватает топлива и не надо заправлять очень и очень долго. И еще говорил, что корабль можно использовать тоже до бесконечности, сколько хочешь. Я говорю: «А как если поломается?» Он ответил, что это исключено. Когда вошли в другое помещение, то там стоял предмет, похожий на продолговатый ящик на середине помещения. Было кругом очень чисто и не было никаких больше предметов. Потом появились откуда-то (женщина принесла) очень удобные два кресла, и мы с ним разговаривали, сидя в креслах. А сразу подошли к этому предмету, он что-то нажал, засверкало что-то как счетчик, крутилось что-то. Я предполагаю, что у них там под номерами заснята местность.

Когда подсветился экран сверху этого ящика, то было видно такая как у нас карта, только лучше, потому что на ней все видно с натуральной подкраской, т.е. такой цвет как есть на самом деле. Он сказал, вот ваш город, куда ты с него едешь на автобусе. Я не мог ничего понять, потому что на карте не было ни одной надписи.

Тогда он опять нажал, опять закрутилось, замелькало и засветилось крупным планом Днепр, все мосты над Днепром. Он сказал, показывай, как ты едешь. Я начал пальцем показывать, а внизу поворачивалось и дорога двигалась навстречу. Через мост Патона, я ему говорил, - вот Березняки, а напротив Русановка. Затем я ему показал стоянку, где стоит моя машина, дом, в котором я живу. Он поинтересовался, где вход в дом, потому что на плане не видно было. Я объяснил, что я живу на третьем этаже. Он спросил, а сколько этаже в доме. Я сказал, что 9. Затем Ленинградская площадь, Красный хутор, даже было видно милицейскую будку на повороте на Красном хуторе. Он спросил, что это за большой аэропорт, указывая на Борисполь. Я сказал, что Киевский аэропорт Борисполь. Затем он поинтересовался, а куда идет дорога в ту сторону и показал от Ленинградской площади на Чернигов. Я ему объяснил. Затем он спросил, а что здесь показывает, когда мы пролетали, много металла и показал на Железногорск. Я ему объяснил, что там КМА. Он поинтересовался, а куда дальше идет дорога. Я ему сказал на Орел и на Москву, и что Москва столица СССР.

Он интересовался какой у нас строй. Я ему объяснил, и он сказал, что у них тоже строй как у нас. Спросил он у меня, а кто у вас царь. Я ему ответил, что царей давно уже нет. Он спросил, а как у вас называется этот человек, который руководит страной. Я ему все объяснил, как смог. Рассказал ему о Курской битве. Он еще меня спросил, а ты знаешь, что сейчас воюют в других странах. Я ответил, что знаю. Он спросил, а ты знаешь, что земля круглая, я ответил, да. Он спрашивал, а как у вас изображают карты. Я ему объяснил о глобусах и полушариях и, вообще, как у нас изображают карты, Он спросил, и есть карты всего мира, я ответил, да. И что там есть все названия городов, рек. Я ответил, да, только больших городов и смотря каким масштабом издана карта. Он сказал: «Вот бы мне такую карту. У тебя случайно, здесь её нет в лодке?» Я говорю, дома есть, а в лодке нет. Он еще сказал: «А как же ты едешь на лодке, на машине без карты?» Я ответил, что у нас все ясно, где ты едешь, это же не в тайге и не на море. Когда он расспросил о картах, он предложил сесть в кресло. До этого я не видел их, было чистое помещение, а тут появились кресла. Два стояли чуть в стороне. Я даже удивился, сказав не было кресел, когда мы вошли, а теперь есть. Короче говоря, я всё время всем удивлялся, потому что все делалось необычно, не так, как у нас. Он сказал, садись в кресло, и мы побеседуем с тобой. Кресло очень удобное, весь утопаешь в нем. Мы очень долго беседовали сидя, он задавал вопросы о жизни на земле, наших обычаях, в общем интересовался всем: как живем? что кушаем? сколько кушаем? Короче говоря, говорили обо всем.

Затем он поднялся, пригласил меня в то помещение, где находился пульт управления. Открылось окно от шторок, и он сказал, ну, смотри, где твоя земля. Я смотрел во все стороны и кругом было какое-то темно-синее небо и кругом мерцали звезды. Было видно, что мы очень быстро двигались по звездам, а потом стали. Я его спросил, а где же Земля? Он меня спросил, а как ты думаешь, где она должна быть? Я ему говорю, что внизу. Он говорит, верно. Я говорю, так ведь ничего не видно, одни только звезды, как-то необычно мерцают, и какой-то цвет неба не такой как у нас, какой-то холодный до жути вид. Он мне показал вниз далеко на две звездочки. Рядом были две звездочки вот на таком расстоянии 22-23 см

Одна из звездочек мерцала сильнее и была чуть больше по величине. Он назвал их, говоря вот ваша Земля, а вот ваше Солнце. Я так был ошарашен его словами, что не запомнил какую, большую или маленькую звездочку он назвал Землей. Я не могу вспомнить, какая Земля была большей и больше мерцала или Солнце. И не могу вспомнить с какой стороны какая была. Так смутно, неуверенно, по-моему, Солнце было слева. Но я не уверен, что Солнце было слева. Я очень удивился и высказал ему недоверие, сказав, что у тебя такой корабль, что ты можешь поставить его так, чтоб не было видно Земли.

Он с возмущением начал вертеть во все стороны корабль, чтоб я видел весь небосклон со всех сторон. Кругом было небо и звезды. Я видел весь небосклон со всех сторон. Кругом было небо и звезды. Я еще раз говорю, что не помню с какой стороны было солнце. Да и как запомнишь, я был так ошарашен и напуган при мысли, о том, что мы так далеко улетели и как назад попадем или нет. У меня как-то защемило сердце. Когда он показывал мне нашу землю и солнце, они были рядышком на бескрайнем огромном небе и выглядели как обычные звездочки, которых было очень много на каком-то темно-синем холодном, навевающим ужас, небе. Я еще спросил его, когда он показывал мне землю, а где же Луна, что ее не видно. Он сразу задумался. Потом спросил меня, что это такое. Я ему объяснил, что ночью светит у нас на земле в лунную ночь и объяснил ему какая она. Он сказал, что понял. И мне ответил, что с такого расстояния не видно. Я так и не понял почему. Я очень много не понимал, он мне не хотел объяснять ничего, говоря, я тебе и так много показываю и рассказываю того, что тебе не положено знать и что я не должен говорить. Он еще сказал, я сделаю так, что ты долгое время вообще ничего не будешь помнить, у тебя будет в голове такая неразбериха, что ты сам не сможешь ничего объяснить себе. И если у тебя неплохая память, то через год или больше у тебя восстановится кое-что в памяти и то не всё, а так пятое через десятое и будет выглядеть как фантазия. Так что лучше никому не рассказывай. Но, говорит, ты все равно не выдержишь, кому-то расскажешь, то я разрешаю рассказать близким своим и друзьям. Теперь далее, я ему задал вопрос:

«А как же мы теперь попадем на Землю, ведь так далеко, можно ведь столкнуться с другой планетой или метеоритом?» Он сказал, что столкновение исключено, аварии и поломки тоже исключены. А на Землю мы больше не вернемся, ты полетишь с нами, к нам на планету. У меня до этого было напуганное настроение, и я себя чувствовал не лучшим образом. Но когда до меня дошел смысл слов, сказанных им, то я заплакал, даже заплакал не то слово. Я зарыдал так, наверно, я и в детстве никогда не рыдал. Он сидел за пультом, потом поднялся, подошел ко мне и начал успокаивать, гладить меня по плечу и говорил: «Когда ты садился в корабль не известно к кому и зачем, и не знал, что тебе грозит, ты улыбался, шутил. А сейчас, когда тебе ничего не грозит, ты плачешь. У нас тебе будет хорошо, мы тебе все дадим. У нас есть ваши люди, они еще живые. У нас такой климат, что ваши люди долго живут. Вот мы брали, не мы лично, а наши люди брали ваших людей давно, они уже были не молодые, а до сих пор они живые и хорошо выглядят». Но я плакал, и потом со злостью ему говорю: «Ну что тебе что-нибудь здесь на пульте побить, поломать, то погибнем вместе. Он ответил, это точно ты рассуждаешь. То я ему сказал, перестав плакать: «Хер с тобой, вези меня к себе, я там у вас подучусь и угоню к себе на землю вашу тарелку». Он говорит: «Как угонишь?» - «Вот сяду и уеду на вашем корабле к себе на землю». Он говорит, а что у вас что-то угоняют. Я говорю, да, у нас угоняют и машины, и самолеты и объяснил, как это делается. Он говорит: «А почему ты плакал?».

Я говорю, я прощался с землей и со своими близкими. Он говорит: «Успокойся, мы уже летим назад к вашей Земле». Окно уже было зашторено, я его попросил, чтоб он еще показал землю и солнце, я хотел запомнить, как они расположены. Но он не захотел больше показывать. Сказал, что мы очень быстро летим к земле. У нас мало времени осталось, мы далеко залетели, а ты не хочешь с нами лететь, то надо тебя отвезти обратно. А так как ты не веришь, что мы так далеко летали, то я тебе хочу сделать эксперимент. Т.е. я хочу посадить корабль возле того населенного пункта, который ты показывал на карте, и я тебе говорил, запомни этот населенный пункт. И слушай меня: «Ты помнишь, как он называется?» Я ответил, Полтава. Он говорит: «Верно. Вот мы сделаем посадку возле Полтавы, где будут люди, и ты спросишь, где мы находимся». Да вот еще что. Я его спросил, когда он показывал землю и солнце, что как же так получается, ведь ты мне показываешь солнце. А ведь солнце у нас на земле показывает день, а здесь все темное небо и солнце и земля как звездочки, и нет там дня, и солнце как звездочка. Он ответил, что это так в природе с такого расстояния, где мы находимся, солнце и земля как звездочки, а у вас на земле солнце день делает. Это все закономерно так должно быть. Я его просил, чтоб он отвез меня вокруг нашей Земли и показал мне день, и в космосе показал бы наш космический корабль, в то время кто-то из наших космонавтов был на орбите. Он не захотел этого делать. Мотивируя тем, что им надо, чтоб их поменьше видели - это раз.

И два – что они очень плохо переносят солнечные лучи, мол у них на планете нет солнца, а полумрак и климат как у нас на юге в Крыму, не жарко. В общем очень хороший климат, горная местность, нет больших водоемов, таких как у нас морей и таких больших рек как у нас Днепр. Он очень удивлялся все время, почему здесь так много воды. Он еще мне сказал, ты же обратил внимание, что у нас на корабле нет яркого света, у них были такие светильники - лампочки или плафоны очень тусклого света, как полумрак, я плохо видел. А он очень хорошо видел на земле те предметы, что я вообще не видел, а он с далека называл их, где мы проходили и там оказывалось то, что он говорил. Он еще очень удивлялся как мы, т.е. люди земли, переносим такие резкие световые и тепловые колебания- ночь и день. И я-то ночью ходил босой и полуодетый. Он все время спрашивал: «Тебе не холодно?» Я говорил, что мы привычные и когда под Полтавой я выходил на дорогу к шоферам на рассвете и замерз, и когда вошел в корабль и передернул плечами, как обычно мы делаем, войдя в теплое помещение с холода и продрогнем, то он обрадованно сказал, а ты же говорил, что вы привычные и не холодно тебе. А оказывается, ты тоже замерз. Теперь, когда он показывал землю и солнце, он мне назвал... я ему объяснял, до этого был у нас разговор о цифрах, я ему показывал на пальцах и на земле, на песке рисовал, когда мы еще были на земле, что у нас счет идет единицы, десятки, сотни, тысячи и т.д., то он мне назвал астрономическую, не назвал, а показал, цифру с таким большим количеством нолей, что я не запомнил, а врать не хочу. То он говорил, что у них, т.е. у корабля, скорость такая большая, и что мы находимся на таком расстоянии от земли, что для ваших космических кораблей это расстояние недостижимо. Что ваши космические корабли на том топливе, что они сейчас используют, что если б им собрать все топливо вашей планеты, то они сюда не достигнут. Это я тебе рассказал, чтоб ты мог сравнить возможности космических кораблей ваших и нашего. На том топливе, что используют на ваших космических кораблях и при ихней теперешней форме, т.е. конструкции, ваши космические корабли привязаны к вашей земле и никуда не смогут улететь! Я поинтересовался этим кораблем космическим. Он мне рассказал, что этот корабль, на котором они прилетели, маленький, но у них есть и большие корабли. Но форма и принципы работы у всех космических кораблей одинаковы. Корабль я рассмотрел, когда было видно. Размеры на глаз и приблизительно: высота не более трех метров, длина 12-15 метров. Форма овальная яйцеобразная, как две тарелки, положенные одна на одну, только концы овальные. Вот такую я приблизительно нарисую. Есть еще и вторая дверь с другой, с тыльной, стороны. Женщина ушла в корабль в темноту, зашла в корабль в другую дверь. Пульт управления перед окном. За пультом управления, сзади находится дверь, ведущая в другое помещение. Все работает бесшумно, даже не ощущается никакой вибрации, указывающей на то, что работает какой-нибудь двигатель. Двери входят в стенки, как у нас в метро, только бесшумно.

Шторки окна находятся с наружной стороны и закрывают окно, как и двери, выдвигаясь с боков двумя половинками. Дверь - с одной половинки. Лапы были выпущены, я не видел, как они выходят. Корабль стоял на лапах. Лапы выходят с корпуса, как штоки у нас на тракторе «Беларусь», ковш ходит гидравлический. Одна лапа не дошла до земли, была ямка небольшая, углубление, т.е. неровность на земле. То с лапы вышел штырь толстый, в руку толщиной и уперся в грунт, чтоб поддержать корабль в горизонтальном положении, корабль в ровном положении, чтоб он не завалился. Теперь следующее. Я спросил, как у них корабль используют – один раз или сколько раз можно использовать. Он ответил, что корабль можно использовать до бесконечности, много-много, в общем до бесконечности, раз. Топлива тоже хватает до бесконечности. Я его спросил, его заправляют когда-нибудь. Он ответил, что да, дозаправляют или заправляют, но это бывает очень редко, а в основном, при постройке как заправят, так на все время. Я еще спросил, топливо атомное? Он ответил, да. Но при взлете что-то очень сверкало, окно было открыто, т.е. незашторено. Вспышки были темно-зеленые, если сравнить, то у нас бывают такие, когда едет трамвай и у него на проводе возле дуги бывает вспышка, то такой цвет был у вспышки ихнего корабля при взлете. Я спросил, сколько летят до своей планеты, то он ответил: «По вашему времени, то получается неделя или полторы недели». Почему я помню, что так мало времени они летят.

Я ему говорил, что у нас ходят легенды о вас, что вы летите всю жизнь и что у вас рождаются дети в корабле, и что их учат, и что они летят, пока не прилетят. Он засмеялся и сказал, что это неправда и объяснил мне сколько они летят, ну, что в порядке нескольких суток, 10 суток, так я понял. Планета ихняя находится очень далеко, по нашим цифрам, то невозможно написать - очень много нолей. В общем, в другой галактике. Я еще говорю, вы ведь можете заблудиться на таком расстоянии. Он ответил, что это исключено, что у них есть как карта земная, то есть такая небесная у них и летят они, ориентируясь по звездам. Все очень легко и очень просто. Вот как ты едешь по земле, вот так и мы в небе. Он еще спрашивал меня, ты знаешь какая температура снаружи. Я сказал, что наверно очень холодно. Он говорит, ну сколько, скажи. Я говорю, что у нас, когда летишь на самолете высоко, то бывает очень холодно -50 град. и здесь тоже так, наверно. Он ответил утвердительно. Он сказал, что к вам на землю прилетало много наших кораблей в разные страны и что по возможности ихние люди понимают те языки, в какие страны прилетели корабли. Я еще его спросил: «Как ты не боишься выходить на чужой планете к людям без оружия?». Он сказал, что ты же без оружия, и не боишься меня, мы же с тобой разговариваем мирно. И еще он сказал: «У нас есть такие приборы, что мы включаем их и никакое оружие ваше не стреляет». И что у них есть такое оружие, что ваше оружие по сравнению с нашим ничего не стоит.

Он еще говорил, что они не хотят общаться с нашей планетой, т.е. с нашими людьми, потому что у нас глупые люди. Они не делают все на благо человека, а творят все для завоевания других стран, что у вас на земле живут все завоеватели. Вот он говорит: «Если б мы захотели, мы б вашу землю завоевали моментально и без кровопролития. Но мы этого не делаем». Я еще поинтересовался, как это можно сделать. Он говорит: «Мы б всех глав всех держав, короче, всех тех, кто руководит государствами, собрали б вместе, и они сами заявили о своем поражении». Я еще сказал, что это невозможно. Он ответил, что они могут, что захотят делать у нас на земле, но они ничего плохого не делают, а наблюдают за нашей землей и за развитием на ней. И еще он меня заверял очень убедительно, что атомной, т.е. войны с применением атомного оружия не будет. Что они не допустят массового уничтожения людей. А так, пусть воюют, развиваются. И когда я сказал, что тебе стоит раскрыть секрет вашего корабля и вашего оружия, чтоб Советский Союз был самым сильным, а то он находится в окружении капстран. И очень много врагов вокруг. Он засмеялся и сказал: «Видишь даже ты тоже завоеватель, тоже мыслишь не так как надо. А насчет силы, то вы и так, т.е. ваш Союз самый сильный». И сказал, что здесь у вас в этих районах очень много военной техники и очень большое скопление войск в этих районах. Вот когда ваши люди будут умнее и будут мыслить по-другому, и когда у вас появятся такие корабли, что вы сможете долететь до нашей планеты, и будете думать о благе человека, и все будете делать для того, чтоб человек лучше жил, тогда мы будем с вами общаться.

А сейчас ваша планета отстает по развитию и по разуму от нашей планеты на 100 лет. То, что у вас сейчас есть, у нас было сто лет тому назад. Но у вас очень шагнула техника вперед за последнее время. И то, вы достигнете того, что у нас есть через 100 лет, если пойдете по правильному пути развития. Я спросил, а сейчас идет наша земля по правильному пути? Он ответил, в основном, да. Вот только космические корабли, но это ничего, поймут ваши ученые, что они на неправильном пути и переделают. Мы ведь летаем и подталкиваем их на мысль правильного поиска. Во время разговора он опять спросил меня: «Ну что, не передумал, может полетишь к нам? Неужели ты не хочешь посмотреть другую планету, людей и вообще все, что будет у вас через 100 лет. Ну, будущее вашей земли, технику, а скорости какие у нас, а машины. Мы тебе все дадим, автомобиль и женщину подведем тебе такую красивую, какую видел ты». Я говорю, если вы меня привезете назад через год-два, то я согласен. Он сказал: «Навсегда и без возврата. Даже тебя переоденем и ничего брать нельзя с земли, чтоб тебе ничего не напоминало о земле. И ты никогда не захочешь опять на свою землю, когда увидишь, как у нас хорошо». Я не согласился и сказал, можешь забрать меня насильно, я сопротивляться не буду, а так я не согласен. Он сказал, что без твоего согласия мы тебя не можем забрать, потому что с твоим настроением ты нам натворишь такого через день-два, что тебя придется уничтожить, потому что у нас закрыть тебя негде, а под гипнозом тебя я не могу и нельзя тебя долго держать.

Значит, мы тебя не заберем с собою, а жалко, ты нам очень и даже очень подходишь, то что нам надо. Но ничего не поделаешь. Как мы садились под Полтавой, тоже были вспышки и очень плавно даже не ощущалось, что мы летим или садимся. Никаких перегрузок, и невесомости, и шумов или вибрации не наблюдалось. Когда приземлились, то он спросил меня: «Ну что, узнаешь, где мы сели?» Я видел асфальт, дорогу-шоссе и где мы приземлились чуть-чуть за зеленой полосой, идущей вдоль дороги. В том месте был разрыв в кустарнике зеленой полосы дороги. Я ответил, что все дороги, в основном, одинаковые. Если ты приземлился возле какого-нибудь строения, которое я знаю, тогда, может, я узнаю где мы находимся. «Ну, ладно, - он сказал, - я останусь в корабле, а то на улице прохладно, да и сейчас, там идут в нашу сторону автомашины. Я их остановлю, а ты иди к дороге и спросишь у людей, где мы находимся». Корабль находился от дороги не более 20-30 метров, немного за зеленой полосой. Но с дороги его очень хорошо было видно, и на улице уже было видно, только рассвело. Его тоже было хорошо видно. Он сидел за пультом управления перед окном. Да, когда я выходил, то сказал, вот хорошо, я отолю, пока машины подъедут. Он не понял, что это такое и я ему объяснил. Он сказал: «Я же тебя спрашивал, ты в туалет не хочешь в корабле. Я б взял твою мочу с собой на анализ». Я говорю: «Давай сейчас». Он говорит: «Иди уже, некогда этим заниматься. Нет времени. Когда летели, тогда было время и туалет посмотрел бы какой у нас». Он еще спросил, что ты же должен был спать, почему же в туалет хочешь. Я ему объяснил, что у нас и ночью ходят в туалет, и как у нас вообще бывает по этой линии. Когда я уходил к дороге, он сказал, что скажешь людям, которые на машинах едут, что пусть не ищут неполадки, потому что у автомобилей заглухнут двигатели. Мол, мы улетим, они заведут двигатели и поедут дальше. Он меня попросил, чтобы я спросил, что за предприятие рядом и я сразу ему сказал. Оказалось, птицефабрика. Он успокоился, узнав. Я вышел на асфальт и напротив меня остановилось три Газ-51. С кабин повыходили шофера и один у другого спрашивали, в чем дело и один одному говорили, что заглухли моторы. Я подошел к ним, объяснил все, почему они остановились и показал им на тарелку, т.е. космический корабль, где сидел он, за окном было видно его с дороги. Я рассказал шоферам вкратце как я попал сюда, и откуда я, и кем работаю, даже называл свой адрес в Киеве и Ф.И.О. И просил, чтоб они сообщили в Киев домой, если меня увезут с собой в космос, что я жив и что меня увезли. Они не сообщили в Киев, не знаю, почему. А вообще он говорил, что я сделаю, чтобы шофера не будут помнить, так, как и ты, то что надо помнить. Теперь шофера мне сказали, что мы находимся на дороге Полтава-Гадяч, в 7 километрах от Полтавы. И что они едут за жомом в Карловку куда-то далеко. Я еще удивился, чего так далеко едут за жомом. И что жом для кормов какого-то совхоза или колхоза находится где-то рядом, недалеко от того места, где мы находились. Я еще, чтоб не забыть записал на ладони шариковой ручкой номер одной машины 23-24, а серия, по-моему, ПОА или наоборот.

Номера примечательные, цифры легко запоминающиеся. Еще когда я рассказывал шоферам все то, один из шоферов очень испугался и его аж трусило. Его еще успокаивали шофера, а я, чтоб не боялся, сказал, что их то никто не тронет. Только меня таскают, а может и заберут с собой. В это время он меня позвал: «Виктор, иди сюда, а то у нас нет времени». Шофера видели, как мы улетали. Когда я знакомился с ним, то я ему рассказал всю свою автобиографию, отвечал на его вопросы, так что он меня называл Виктором. По отчеству я его просил, чтоб он не называл. Мне так удобно разговаривать с ним. Он свое имя не захотел называть, мотивируя тем, что его имя не переводится на наш язык и что у него длинное имя, и что я не запомню и не смогу по-ихнему выговорить его имя. Он сказал, называй меня на ты, да и все. Когда я зашел к нему в корабль, он сказал, что уже видно, а еще тебя надо отвезти на то место, где тебя брали, а время мало. Видно, что он торопился. И тут все закрылось и мы очень быстро взлетели, сделали круг над кротенками. Я еще говорил ему, что ты не побоялся меня одного отпускать к шоферам. А если б я уехал? Он засмеялся и сказал, что двигатели ведь не заводятся, да и куда ты смог бы уехать от меня, если б даже и работали двигатели? Да, он меня спросил, что ты на такой машине работаешь? Я ответил, что я работаю на автобусе. Он спросил, и я рассказал ему какой автобус, какие у нас есть автомашины, ну, грузоподъемность, бензиновые и на солярке дизеля. Он ещё поинтересовался, какое топливо: твердое, порошкообразное или жидкое.

Я ему объяснил, что жидкое, и откуда и как оно делается топливо, т.е. бензин и пр. Он сказал, что у них это все пройденный этап. И что при таком наличии транспорта, как у нас на земле, он все время удивлялся, что очень много транспорта, и что им возят? Я ему объяснил, что транспортом возят. Так вот он сказал, что скоро у вас иссякнет запас топлива в недрах земли. И потом ваши ученые вынуждены будут искать что-то другое и поневоле будут изобретать такой транспорт, как у нас сейчас существует на ихней планете. Электрический. Я ему сказал, что у нас есть электрический транспорт и рассказал ему о электричках, троллейбусах, трамваях, метро. Он сказал, что источник питания снаружи, т.е. провода – это не годится. Мол у них источник питания внутри транспорта, т.е. тягача, автомобиля и пр. Источник очень маленький, не требует ухода и очень надолго хватает, и бесшумно работает и большие скорости. Я ему еще сказал, что создаются магнитные поля и для человека очень вредно для здоровья. Он ответил, что это все что вредно для человека исключено. Мол у них нет никаких магнитных полей. Да, теперь о топливе. Я его спросил, скоро кончится топливо на Земле? Ведь у меня есть машина, так может продать? Он говорит, на твою жизнь топлива хватит. Он мне обещал, что я еще проживу столько, сколько прожил. А прожил я на то время 45 лет. Значит, я буду жить до 90 лет, если не заболею и не умру от болезни или трагически не погибну. Да вот еще. Когда я зашел в корабль под Полтавой, то он сказал: «А ну, покажи руку. Что писал на руке, на ладони?» Я говорю:

«Номер машины, чтоб не забыть шофера, один давал мне шариковую ручку, чтоб я записал». Он достал бутылочку с ящика шухлядки под пультом. Бутылочка коричневая такая, точно, как у нас медицинские с каплями, маленькая, в аптеке выдают. Взял ватку, тоже я щупал, точно такая как у нас вата, перевернул на ватку пузырек и ваткой смыл у меня с руки запись. Я еще ему сказал, что в порах кожи осталось чернило и будет видно. Он сказал, что, когда ты ляжешь спать, я тебе внушу, чтоб ты во сне пропотел и потом все выльется с пор кожи. Так оно и было, как он сказал. Жидкость в пузырьке была без запаха, я нюхал. Да, теперь об электричестве. Я ему сказал, что у нас есть тоже без проводов, на электричестве автокары и рассказал принцип работы, то он аж рассмеялся. У нас говорит вот, как в корабле источник питания занимает мало места, надолго хватает и не требует никакого ухода. Да вот еще. Что может что-то будет не по порядку или повторится дважды, я заранее извиняюсь. Я ведь рабочий, шофер и с меня плохой писака. Когда мы приземлились под Киевом на старое место, я спал. Когда я зашел в корабль под Полтавой, я себя очень устало чувствовал, и это было на рассвете. Рассвело уже, а я ночь не спал, все время с ним беседовал или он со мной беседовал, так будет правильно. То я сел и склонился к пульту головой и уснул. Спал до тех пор, пока не приземлились, и он меня не разбудил. Перед этим я его спросил, сколько будем лететь до Киева. Он сказал, что не долго. Летаем мы очень быстро, время занимает взлет и посадка. В общем, он объяснил мне, что минут 10 будем лететь до Киева. Предложил, чтоб я пошел спать в другое помещение, в кресло, там будет удобней мне спать. Но я отказался, сказал, что я очень много ездил по ночам, т.е. ночные рейсы у нас были и привык к неудобствам, и что мне только немножко перекорнуть, перебить сон и я опять буду бодрым. Он не стал настаивать, чтоб я уходил. И попутно задал несколько вопросов: «Сколько тебе надо было бы добираться до того места, где твоя лодка стоит, если б я тебя здесь оставил?» Я ему сказал, что пока я добрался бы, то растянули бы лодку там. У меня там документы, деньги, золотые часы и т.д. Это раз. И второе, отсюда от Полтавы автобусом надо ехать. Если сразу ехать, не менее 7 часов, а самолетом на это ушло б час-полтора. Я еще раз говорю, если сразу ехать или лететь. А так как я одет как босяк, во все рваное и у меня нет при себе ни документов, ни денег, то я не знаю, чем бы это кончилось, мне пришлось бы обращаться в милицию и рассказывать, как я очутился здесь, то я даже затрудняюсь сказать, как бы это все окончилось. Он говорит: «Ну, спи. Я тебе внушу, чтоб ты быстро уснул и отдохнул за это время». Когда сели под Киевом, и он меня разбудил, я вышел с корабля, я сразу взялся за обшивку, за корпус корабля, думал может он греется от скорости. Но он был холодный. Он спросил меня, что ты делаешь, я ему ответил, тогда он сказал, что у них не греется корабль от скорости. Когда я сошел по трапу на землю, то я сразу хотел полезть под корабль, то он меня поймал за одежду и задержал: «Спросил, что ты хочешь?» Я говорю, что хочу посмотреть сопло как устроено, или что там под низом корабля.

Он задержал меня и не пустил, говоря, что туда нельзя лезть, там опасно для жизни. Я его спросил, что, током убьёт? Он с удивлением посмотрел на меня и сказал сразу, да. А потом поправился, сказал нет, там все выключено, но корабль стоит неустойчиво и может упасть, и придавит тебя. Я тогда обратил внимание на лапы. Очень хорошо рассмотрел их, как они были выдвинуты, чтоб под корабль надо было залезть, то надо было сильно нагибаться, чуть не на четвереньки становиться, так он низко стоит от земли. Когда он вышел с корабля после всего что я сказал, как я хотел залезть под корабль. Он сразу подошел к кусту вербовому, - ну лоза растет там много, - взял ящичек, похожий на наш стабилизатор тока, чуть побольше будет с ручкой и со словами; «Чтоб не забыть, я его занесу в корабль». Занес его в корабль и сразу же вышел ко мне. На улице было уже очень хорошо видно. Летом очень раннее утро после рассвета. Я так обрадовался, что нахожусь возле лодки и живой после таких приключений, что от радости не находил себе места, не мог совладать с собой и очень бурно радовался, ломал ветки, толкся по мокрой от росы траве и все оглядывался на другой берег, громко разговаривал. Он говорил мне, тише разговаривай, а то нас услышат. Ты привлекаешь внимание к нам. Я еще удивлялся, что нигде не видно рыбаков, обычно в такое время бывают или на лодках, или на машинах, с другой стороны. Он еще мне говорил:

«Ой, как ты радуешься, что прилетел назад, как ребенок. А недавно рыдал. Как меняется у тебя настроение». И спросил: «Что ты всё время оглядываешься на другой берег и на залив?» Я говорю, может кто подъедет на лодке или на машине. Он говорит: «Так тут же не работают моторы, я ведь когда улетали, оставил этот ящичек, чтоб не работали моторы, и никто не смог сюда подъехать». Он говорит: «Вот пойдем в лодку, попробуешь завести двигатель, или у тебя есть ружье, или фотоаппарат. Я б тебе оставил на память о нашей встрече». Теперь, когда он сказал, что корабль стоит неустойчиво и может упасть, то я говорю, а как же потом полетишь, если он упадет, погнется, поломается. Он ответил, что он может подниматься с любого положения, если будет лежать на земле или в воде. И если упадет с лап, то об землю не погнется и не по ломается. Он сделан с очень легкого и очень прочного материала. Я еще хотел обойти вокруг корабля, он меня не пустил тоже, говоря, что тебе надо лезть в воду, чтоб обойти корабль, он нависал над водой в одну сторону, и он мне сказал, что он кругом одинаковый. Короче, не пустил меня, чтоб я обошел корабль. Когда еще были в корабле, я просил у него, что-нибудь на память. Он ничего не хотел дать. Я хотел у него стащить такой предмет, как у нас шариковая ручка, что-то лежало на пульте, но он увидел у меня в руке и забрал, и потом проверил, не взял ли я еще чего. Он сказал, что я не думал, что ты можешь так поступить. А я ему сказал: «Раз ты не даешь ничего на память, что же мне остается делать». Я у него просил, чтоб он дал что-нибудь покушать. Но он ничего не дал и сказал, что тебе нельзя кушать нашего. Если полетишь с нами, тогда дадим.

А то ты нашего покушаешь, долго не будешь хотеть кушать и не захочешь потом кушать ничего своего. Он говорил, что они кушают раз в неделю по нашему времени. Я еще говорил ему, у нас так кушают только верблюды, наестся, напьется и ходит по пустыне целую неделю. Он спрашивал, что это такое верблюды. Я ему объяснил, что это есть такое животное. Когда был разговор об атомной войне, и он сказал, что они не допустят массового уничтожения людей на нашей планете, то я ему рассказал о Хиросиме и Нагасаке и что там погибло 200000 человек и сейчас люди мрут от лейкоза – последствия атомной бомбежки в Японии. И почему же они не помешали и допустили атомную бомбежку в Японии? Он ответил, что они не думали, что так быстро шагнет техника и не думали, что так быстро изобретут атомное оружие и применят его против людей. А теперь они следят за этим. И что, если будет война и захотят применить ядерные устройства, то они не будут взрываться. А я ему и говорю, а почему же сейчас на полигонах испытывают ядерные устройства? Ну, в частности, под землей, в воздухе, под водой и т.д. Он сказал, для испытания на полигонах пусть взрываются для развития науки. Но во время войны против людей не будут взрываться. Каким образом они будут это осуществлять, он мне не объяснил. Он интересовался, многие ли страны имеют ядерное оружие. Я ему сказал, что знал. Я ему предлагал золотые часы в обмен на что-нибудь. Он категорически отказался. Он сказал, у вас золото ценится, а у нас это обыкновенный металл. А есть вещи ценнее золота.

Я попросил его, чтоб он позвал женщину, я еще посмотрю на нее и попрощаюсь с ней. Он сказал, в этом нет необходимости. Ты ее больше никогда не увидишь, она отдыхает. Я, ведь, с тобой провозился всю ночь и очень напрягался, и тоже очень устал и когда полетим, я буду отдыхать, а она будет следить за полетом. Теперь о женщинах. Он интересовался, как мы здесь на земле живем с женщинами. Сколько женщина ходит в положении, по сколько раз и пр. Я ему все рассказал, что знал об этом деле. Я уже говорил, что ломал ветки на деревьях, на кустах вербовых лоз. Он смотрел на все это и спросил: «Что ты делаешь?» Я говорю, я потом посмотрю будут поломана лоза или нет и, вообще, мне не верится, что это со мною происходило все, и мне кажется, что это во сне. Я даже кусал себе руки, чтоб проверить, не сплю ли я и не снится ли мне это все во сне. Бегал к воде, ноги намочил в воде и брюки. Короче, проверял себя, не сплю ли я. Он сказал мне, что это не во сне с тобою произошло, не приснилось, а наяву. «Что ты своим глазам не веришь?» Я приглашал его в гости к себе. Он сказал: «Когда-нибудь зайдём». Я спросил его, а прилетят ли они ещё к нам? Он сказал, да. Я ему говорю, скажи, когда вы еще прилетите и куда мне подойти к вам? Он ответил, если ты нам понадобишься, мы тебя найдем. Твой адрес нам известен. И предупредил меня, только живи все время по старому адресу, не уезжай никуда оттуда. Да, вот еще. Когда мы смотрели карты во втором помещении, то он попросил, чтоб я ему написал на карте, на память что-нибудь.

Я написал ему там, где находился Киев: Ф.И.О., г.Киев, число, месяц, год и расписался. И еще написал: «С приветом к людям другой планеты». Он остался очень доволен. Он сказал, что они прилетят к нам на землю через 20 лет, т.е. будут у нас на земле в 1997 году. «Когда тебе будет 65 лет, и ты будешь уже на пенсии, и, наверное, мы сможем тебя застать дома, если нам нужен будешь». И сказал: «А вообще было бы очень интересно посмотреть какой ты будешь через 20 лет». Он еще интересовался, почему у нас в некоторых местах стоят больше статуи; «Что, были такие большие люди у вас на земле?» Я ответил, что это памятники погибшим на войне. В тех местах, где стоят такие статуи, были исторические большие бои. Просто принято у нас ставить большие статуи. Скорбящая Родина-Мать. А люди у нас маленькие такие как мы с тобой, есть чуть выше, чуть ниже на сантиметры, ну, на десятки сантиметров. Да, вот еще, что я вспомнил. После того, как ушла женщина в корабль, а ушла она очень красиво, даже сделала его виноватым. Сказала, ты же сам сказал, чтоб я улыбалась и вела себя приветливо, повернулась и ушла. Мы оба смотрели ей вслед. Когда она ушла, он меня поругал за нетактичное поведение с женщиной и вдруг забеспокоился и начал смотреть в одну сторону, в темноту. Я спросил его, в чем дело? Он сказал: «Видишь ли, ты громко кричал и ругался, а там недалеко стоит лодка и человек вышел с лодки и хочет идти к нам». И меня спрашивал: «Видишь?», - и показывал рукой в ту сторону, где была лодка другая. Я смотрел во все глаза и ничего не видел, а он еще удивлялся: «Неужели не видишь?» Я говорю, не вижу. Он еще говорил, что ночью ты плохо видишь, что зрение плохое. Я сказал, зрение хорошее, но ночью все люди ничего не видят. Он ответил, а я же вижу. У него было очень острое зрение в темноте. Он все видел, все предметы показывал мне. «Вон там, видишь, лежит большой металлический предмет?». Я говорю, нет не вижу. Он подвел меня и говорит: «Смотри». Я видел только когда подходили к предмету, а он видел издалека. Так вот, когда хотел человек идти к нам, он начал смотреть в ту сторону, так пристально, пронизательно, очень напряженно. Я за ним наблюдал, он был занят и на меня не обращал внимания. У него глаза очень блестели, вроде даже искрились. Затем он посмотрел на меня, улыбнулся и сказал: «Я внушил тому человеку, чтоб он зашел в свою лодку и не выходил больше, чтоб он сидел в лодке и боялся выходить до утра с лодки». Забегая вперед, я скажу, утром, я наверно уже поспал часа три-четыре, уже солнце светило хорошо, когда меня разбудили, проехав специально мимо моей лодки, чтоб волной сильно закачало лодку мою, я проснулся. Парень жаловался своему другу, а стояли ихние две лодки рядом с моей. В то время они разговаривали, хотели втянуть и меня в разговор, но я копался с мотором со своим, завел его и уехал. Так я был напуган ночью, побоялся разговаривать с ребятами, я уехал, стал в другом месте в берег и лег досыпать, потому что я себя очень плохо чувствовал после ночи, проведенной с пришельцем, без сна и под гипнозом. Я еще пару дней не мог прийти в себя.

Все ходил как сам не свой. Да, так вот о чем говорили ребята возле лодок, стоящих рядом с моей лодкой: «Когда мы ехали на рыбалку, у меня заглох двигатель». Второй сказал: «И у меня тоже». Один говорит: «Я дергал, дергал, не заводится, а течение сносит, то я подгрёб к берегу и стал готовиться к ночлегу. В это время я услышал крик: матюкались и кричали: «Убью!» Потом был громкий разговор». А второй говорит: «А я стал там, где-то далеко, и тоже заглох двигатель, позвал тебя, но ты не отзываешься. Я тоже лег спать, слышал что-то кричали, но не понял». А первый говорит: «Я потом хотел подойти туда, где кричали, но испугался, залез в лодку и до утра сидел в лодке и не мог уснуть. Видел, что улетали, а затем прилетали на чем-то». Второй еще спрашивал: «Может вертолет?» А тот ответил: «Нет не вертолет. Что-то, что я даже не знаю, что». Он сказал, что, когда прилетали, очень сильно сверкало, как молнии. Я, когда еще был в лодке, то обратил внимание, что сильно сверкало, как молнии. И когда посмотрел на небо в окно, то небо было чистое, были звезды, на небе, и я подумал, что где-то далеко гроза и ещё подумал, а почему же нет грома? Номер лодки, которая стояла ближе ко мне RUA 51-19 Южанка. Я был так напуган, - они еще говорили между собой, - а я завел двигатель и уехал от них – боялся разговаривать с ними. Да вот ещё, что когда он показывал солнце и землю мне в космосе, то я спросил: «А вашу планету не видно отсюда?». Он ответил, что еще надо очень долго лететь, чтоб было видно ихнюю планету и чтоб ихняя планета, так, как и наша земля, с далека с космоса тоже светится и мерцает, как и все звездочки на небе.

Ну вот и подходит к концу мое приключение. Он сказал: «Ну что, идем в лодку, проверишь, все ли на месте, никто, ничего не унес с лодки?» Я не хотел идти в лодку, говорил: «Я хочу посмотреть, как вы взлетите, а потом уйду». Он сказал мне: «Здесь находится вблизи корабля, когда он взлетает, нельзя. Ты пострадаешь и умрешь. Я еще внушил тебе, что уснешь и будешь спать. И не вздумай вылезать из лодки, а то где б ты не находился, ты уснешь. И если даже будешь в воде, все равно уснешь, и умрешь в воде. Ведь ты убедился, что я, если сказал, что ты уснешь, то так и будет. Так что, ты, только мы улетим, уснешь, а когда проснешься, то у тебя будет такое состояние, что ты сам себе не будешь верить, что это было с тобой, было наяву. Будет у тебя плохое состояние несколько дней, но ты не пугайся. Через несколько дней будет все хорошо, это не вредно для здоровья. Лучше ты об этом никому не рассказывай, все равно тебе не поверят. Скажут, что ты выдумываешь, фантазируешь. Думай, держи себе в памяти, что ты был с людьми с другой планеты и тебя возили, куда еще никто из ваших людей не достигал. Но много об этом не думай, а то сойдешь с ума. И лучше будет для тебя, если ты все выбросишь из головы. Это будет лучше для тебя». Я сказал, что по выжженному месту я увижу, когда проснусь, где стоял корабль. Он сказал, что ихнего корабля след найдешь, но корабль ихний не выжигает ничего. У них совершенно другой двигатель, у него другой принцип работы. Когда я с ним залез в лодку, он интересовался как управляется лодка.

Почему мягко, где я спал. Заставил меня проверить все ли есть на месте. Попросил, чтоб я зажег свет, а так как света не было, надо было вынимать батарейки с радиоприемника, смотрел часы, фонарик, радиоприемник. Поинтересовался есть ли у нас карты всего мира с надписями по-русски. Я сказал, что есть. Я зажег спичку, он посмотрел, как они зажигаются. Заставил выбросить за борт в воду остаток спички. Боялся, чтоб не было пожара. Он сказал, что, если б я знал, что ты никому не покажешь, я б тебе дал источник питания, которого тебе хватило бы на всю оставшуюся жизнь. И что он не требует никакого ухода и есть у него любой вольтаж. Он называл тот ящичек, что оставлял, чтоб в этом районе не работали двигатели и радио и телефоны, источником питания. И что там, что-то включаешь и не работают двигатели. Я клялся ему, что никому не покажу источник питания, если он мне даст. Я видел, что он задумался и хотел мне уже дать источник питания. Но меня черт дернул за язык сказать, что я поставлю его на машину и не надо будет аккумулятора. Он сразу изменился и сказал, что нет, не дам тебе. Ты хвастливый и все равно похвастаешь перед кем-нибудь. А это нельзя делать. Он еще говорил, что у вас не скоро появятся такие источники питания, и что у них источник питания не надо заряжать, что он сам, когда работает, да и не работает, от воздуха заряжается, что кругом в воздухе есть электричество и оно само как-то заходит в источник питания.

И говорил, что источник питания не много весит. Он еще показал, что кругом в воздухе есть ток. Водил каким-то предметом у меня над головой, над волосами и у меня волос искрился и трещал. Я ведь ему рассказал, что у нас очень тяжелые аккумуляторы, и что их все время надо заряжать. Потом он мне говорил, если б ты дал мне карту мира с надписями, я б тебе дал тогда источник питания. Я ему говорил, давай, я поеду, привезу из дома. Он только смеялся и говорил, не надо. Говорил:

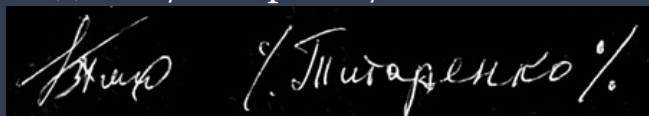
«Ты очень хитрый, но меня ты не перехитришь». Смотрел у меня в лодке ложки, вилки и посуду. Я не помню, по-моему, он у меня увидел копейку, она валялась в багажнике. У него загорелись глаза, и он спросил: «Это не дорого для тебя?». «Это не много стоит», - я объяснил ему. И он попросил на память одну копейку. Я ему предлагал на память разные безделушки, лампочки разные, железки, еще мелочь 10-15-20 коп. Он больше ничего не взял. Короче, он увез от меня на память на другую планету одну копейку. Еще он выловил монету с канистры с водой как наш рубль по величине, серебряную. Я ее держал для очистки воды в канистре. Он еще раз предупредил, чтоб я не выходил с лодки, а то где б ты не находился, уснешь и может случиться несчастье. Он разрешил мне посмотреть с лодки, как они улетят. Он все время держался от меня на некотором расстоянии. При расставании не захотел обняться и поцеловаться, на прощание говоря, что у них это не принято. Но руку на прощание, всё-таки, подал. Рука у него была какая-то очень холодная и безжизненная, как у куклы какой-то. Я еще спросил, почему такая холодная рука.

Он сказал, что у нас холоднее, чем у них, и они привыкли к теплу и что рука не покрыта одеждой поэтому холодная. Я ему говорю, а у меня не такая же рука. Он сказал: «Вы здесь привыкли к таким колебаниям температуры и к такому холоду». Когда он вышел с лодки, я припал к стеклу лодки лицом, стоя на четвереньках, но меня уже начал морить сон. С лодки корабль не был виден. Но когда они взлетали, опять засверкало, как молнии, вспышки и что-то мелькнуло вверх. Меня так морил сон, что я не мог стоять на четвереньках в лодке. Я упал, но боролся с собой, т.е. со сном, не хотел уснуть, кусал руки, щипал себя даже начал бить рукам по металлу лодки. Потом у меня болели руки, так я их побил, я даже кричал от боли, но все-таки свалился и уснул. Спал я, пока меня не разбудили. Состояние у меня было очень скверное. Был я как выкрученный, как побитый. Потом я подъехал позже, когда не было лодок. Я все облазил, где стоял корабль. На том месте очень пахло озоном, трава была как везде. Озоном пахла земля, как у нас пахло при рабочем телевизоре старом «Харькове», возле задней стенки, где вентиляционные отверстия, где лампы. Больше я в лодке на Днепре сам не ночую, боюсь. Часто бываю на том месте, где это произошло. И сейчас очень жалею, что не согласился с ним лететь. Получается так, как он говорил, что ты потом будешь жалеть о том, что не полетел с ними. Но к тому я очень радуюсь, при воспоминании, что я остался на нашей родной земле. Есть такие моменты, что я не написал, потому что это была интимная беседа, и есть такие вещи, о которых не напишешь. Я постарался об этих словах забыть навсегда. Да они никому и не нужны, и не представляют интереса. Это личное мое. Все, что есть святое и самое дорогое, всеми святыми и даже своей жизнью, я присягаю и клянусь, что все, о чем здесь написано, правда и нет вымысла.

Июль-декабрь 1978 г. Киев.

Подпись /Титаренко/

A black rectangular box containing a handwritten signature in white ink. The signature is written in a cursive style and reads "Титаренко /Титаренко/".

Эпилог

Это 109-ти страничное письмо было найдено в архиве ныне покойного кандидата физ.-мат. наук А.Ф.Пугача, и как многие другие письма с этого архива, конверт с письмом было вскрыто при сканировании И.М.Калытюком, в рамках проекта «Спадок» от Украинского научно-исследовательского Центра по изучению аномалий «Зонд». Письмо скорей всего получено в рамках работ по проекту «Сетка-АН» либо Киевской секции по изучению аномальных явлений в окружающей среде при Украинской Республиканском научно-техническом обществе радиотехники, электроники и связи им А.С.Попова. Из-за нехватки времени письму не было уделено должного внимания, но оно было оцифровано, как и тысячи других рассекречено, а позже опубликовано в интернете, как часть №29 Массива Первичных Сообщений, на ресурсе «Новости Уфологии» 15.12.2020. На письмо в 2023 году обратил внимание исследователь из Казахстана – Эдуард Махнин. Его комментарий к данной истории:

Рассказ водителя автобуса о встрече с инопланетянами на Днепре не вызывает сомнений в его подлинности. Воспоминания написаны от руки с многочисленными пунктуационными и стилистическими ошибками. Читая, понимаешь, что человек старался вспомнить все подробности этой встречи. По уже записанному вставлял между строчек дополнения из-за чего текст приходилось буквально расшифровывать. При переводе в печатный вид пришлось вносить корректировки, т.е. длинные фразы разбивать, вставлять кавычки к прямой речи и т.д.

Теперь об инопланетянах и той информации, которую они сообщили. Внешний вид инопланетян оригинален. Инопланетянин имеет вид, как бы скопированный с мужчин времен Лермонтова и Пушкина: усы, борода, бакенбарды. А вот инопланетянка с распущенными волосами тому веку не соответствует. Холодные, безжизненные руки инопланетян могут свидетельствовать о том, что температурный режим на их планете не соответствует земному. Вытянутые уши и острое зрение в темноте, как у кошек, явное свидетельство того, что на их планете царит полумрак. Солнца у них нет, то есть видимого, как у нас, диска на небе нет. Возможно звезда облучает планету инфракрасным светом. С этим вопросом нет ясности. Не потому ли инопланетянин практически ничего не говорит о природе планеты. Но, зато, усиленно напирает на то, что земляне, похищенные в 1908 году, чувствуют себя на планете как в раю. Но так ли это? Слабое рукопожатие говорит о том, что инопланетяне отвыкли от физического труда, да, и спортом, вероятно, не занимаются.

Крайне сомнительно утверждение инопланетянина, что в 1908 году они взорвали ядерное устройство в Сибири и, что это, якобы, метка об их пребывании. Ядерный взрыв, произведенный в воздухе, мог поразить радиоактивным излучением как животных, так и людей. Однако ни того ни другого не наблюдалось.

Речь инопланетянина об оружии, скорее всего, имеет целью произвести впечатление инопланетной мощью и напугать землянина, мол, не суйтесь к нам.

В плане эмоционально-интеллектуальной сферы инопланетянин и водитель практически не отличались. К сожалению, остался невыясненным вопрос: зачем земляне нужны на их планете. Почему инопланетянин так настойчиво уговаривал водителя перелететь на их планету, обещая все блага. Более того, если бы рядом была жена водителя, то инопланетяне забрали бы обоих, не спрашивая их согласия. «Ядерный взрыв» в 1908 году и готовность забрать землян без их согласия говорят о невысоком моральном уровне этой цивилизации. Поэтому их способность и готовность предотвратить атомную войну на Земле вызывает сомнение.

Еще один момент трудно объяснить. Улетая от Земли, инопланетянин в какой-то момент открыл шторы окна и показал Солнце и рядом Землю! Солнце в виде маленького кружочка. Учитывая размеры Солнца и Земли (соотношение 109:1), Земля не была бы видна. Возможно это была проверка: какова будет реакция землянина, осознавшего, что его увозят с Земли. В космосе в отсутствие воздуха «небо» должно быть черным, а землянин видел темно-синее. Странно. Показали видеоролик?

Инопланетянин заявил, что они проводят эксперимент. Титаренко, так до конца и не понял, что эксперимент проводился над ним. Изучались его реакции, мировоззрение, бытовые привычки.

Э.Махнин, уфолог, г.Алматы

Весьма интересный случай, если принять что он реальный. Классика видимой абсурдности близких контактов, которая впрочем все больше проявляет некоторые общие для многих черты: телепатическое, психокинетическое воздействие, заведомо ложная информация, внушение, иллюзии; демонстрация и акцент на превосходстве и могуществе, патронатстве; доброй воли несмотря на право на ее угнетение; мимикрия современности духа времени, но в то же время крайне неудачная и неполная; некоторые декларируемые нетривиальные физические эффекты: игнорирование гравитации, остаточный запах озона и т.д.

А.Билык, к.т.н., руководитель УНИЦА «Зонд», г.Киев

Я подозреваю, что почти каждый близкий контакт это спецоперация специально подготовленных специалистов из других миров. Это срежиссированные шоу с использованием объемных проекций, гипнотических воздействий и пропагандистских текстов. Каждый такой контакт несет функции: передать через контактера человеческому обществу какую-нибудь идею, и скрыть подлинную деятельность.

Мы можем обнаружить лишь некоторые отдельные правдивые моменты, которые скрываются среди анимированных сказок. Соответственно наши статистические и другие методы относительно близких контактов с общением с "пришельцами" выявляют не особенности других цивилизаций, а лишь общие закономерности таких шоу. Это требует особого подхода, в частности, сравнения с символикой и сюжетами средневековых мифов. При этом лично я обращаю внимание на обобщенный образ т.н. эльфов из старинных легенд и современных фэнтези, как один из возможных устойчивых компонентов идейного воздействия с той стороны. Отдельное замечание, что среди этих шоу могут быть и условно правдивые моменты, в частности, с целью создать основу для будущего контакта с какими-то цивилизациями.

Если описывать ситуацию литературно в наших геополитических терминах, то ситуация с контактами может выглядеть так: На нашей современной Земле в океане открывают остров, на котором обитает племя относительно примитивных людей. К этому острову проявляют интерес политики (новая территория), военные (база ближе к противнику), бизнес (полезные ископаемые, торговля) и ООН (защита прав туземцев). ООН запрещает радикальные изменения в жизни туземцев, военные разных стран выставляют патрули поблизости, бизнесмены и политики начинают подковёрные игры с целью отменить запрет ООН. В результате туземцы видят в небе транспортные самолеты, которые просто пролетают мимо, в океане на горизонте маячат сторожевые корабли, а на берег периодически высаживаются группы неизвестных лиц, скрыто агитирующих за будущее подписание договоров и контрактов с "хорошими" государствами и корпорациями, и наоборот делают черный пиар конкурентам. Они хотели бы просто прийти и делать свои дела на этой территории, но законодательство, патрули и конкуренты не дают возможности никому заявить единоличные права на этот остров. Туземцы же не понимают почему с ними открыто не контактируют все эти могущественные существа и в восторге слушают сказки о "божественной корпорации кока-кола" и "дьявольском гнездо пепсикола" и наоборот...

А.Кириченко, зав.отделом инфо.тех. обеспечения УНДЦА "Зонд", г.Киев

Эксклюзив для ресурса ufology-news.com